

ОТЗЫВ официального оппонента

на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Кульнева Александра Сергеевича на тему: «Свобода слова в современном обществе: конституционно-правовая теория и судебная практика» по специальности 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые науки)

В диссертационном своем сочинении А.С. Кульнев реализовал вполне актуальную тему, если в актуальности видеть ее научную востребованность, как это и следует, надо думать, из Положения о присуждении ученых степеней в МГУ. Для научной же актуальности необходимо и достаточно, чтобы предмет исследования достоин был учёного внимания, заслуживал интереса и усилия и чтобы его старательное изучение позволяло получить верифицируемое, доказательно оформленное знание. Научное знание включает в себе ценность как таковое, в том числе и общественную, ибо наука сама по себе являет собой достояние общества, соразмерное по значению, скажем, искусству, инженерии, коммуникациям т.п.. Без науки в национальной жизни зиял бы пробел, с которым она местами бы, видимо, одичала или во всяком случае опростела, как это, кстати, заметно в каких-иных обществах, где науку не развивают, притом что прочие блага современной цивилизации им в общем доступны. В этом значении актуальность не требует, чтобы исследование непременно обслуживало некую злобу дня и насущные чьи-нибудь чаяния, чтобы оно угадало и угодило влиятельным настроениям и генеральным линиям. Исследованию, стало быть, в строгом смысле не обязательны конъюнктурные оправдания в том, какие пользы и выгоды это обещает за пределами науки, если оно служит самой науке и отвечает её стандартам.

Впрочем, исследование, в предмет которого поставлена свобода слова, насыщено гражданской и профессиональной актуальностью, ибо эта свобода, подобно частной собственности или свободным выборам, в ее мотивах и отправлениях навлекает на себя раздражение разных видов и степеней - от безотчётно-латентного до открытой агрессии с реализацией в различных изъятиях, не исключая законодательных, распорядительных, юрисдикционных. С другой стороны люди готовы и постоять за эту свободу, даже рискнуть чем-то важным, пострадать за неё или хотя бы переживают изъятия в ней и притеснения, а значит ею дорожат. В состояниях этих бывают упадки, но вряд ли можно их совсем извести из гражданского самочувствия, и поэтому время о времени так или иначе на свободе слова кто-нибудь будет настаивать, представлять ее в коренных основаниях, в средствах реализации, давать ей защиту. Она останется в границах юридического бытия как заметное обстоятельство правопорядка, тем более что в России конституционный строй ставит права и свободы и самого человека в положение высшей ценности. А если всё же представить свободу слова в угнетении и ничтожестве, то и тогда нужны будут средства из арсенала юриспруденции хотя бы для того, чтобы держать ее на поводке, не позволяя вырваться из врождённых наклонностей человека.

Актуальность, конечно, это не всё, что можно сказать хорошего о диссертации соискателя. С ним, как ни странно, нужно согласиться в том, что диссертационных заданий по этой теме юристы в России, видимо, перед собою пока что не ставили, не получали их от научного руководства и, стало быть, не выполняли. Бывает, что в конституционном строе изначально представлено нечто этически бесспорное, само собой разумеющееся, так что дело как будто исчерпано и остаётся лишь лояльно в нем соучаствовать, как в догматах веры. Так в Декларации 1776 г. объявили *«самоочевидными те истины, что все люди рождены свободными и равными и наделены Создателем некими неотчуждаемыми правами»*..., ну а потом с этой верой

полагали даже избыточным эти права записывать в отдельном билле. Вот и по свободе слова юристы в России больше рассуждали о средствах ее защиты, об отдельных её сторонах и правомочиях, которые она в себе заключает, о правоограничениях, к ней относящихся, и об их основаниях. В самой же этой свободе не видели, может быть, проблемных поводов, чтобы сделать ее темой отдельной диссертации. Диссертант же такой повод заметил, увидел в том признаки пробела и возможность принять полезное участие в гармонизации научных взглядов на свободу слова в интересах профессионального правоведения.

Он решил направить свои усилия главным образом на подготовку доктринальной платформы в понимании конституционной свободы слова и, полагая, что «общих философских построений» вместе с нормативно-правовыми материалами для этого мало, обосновал и предложил свою на этот счет позицию в образе «целостной и системной концепции». Вместе с тем, судя по диссертации, соискатель не завышает свои намерения до чрезмерных амбиций и, соответственно, не заявляет, что цели и результаты его исследования исчерпывают собою тему, что они решают по ней все все мыслимые задачи и что в понимании свободы слова определяет всё лишь доктринально-концептуальная систематика. Напротив, он сам трактует свою работу как попытку «положить начало восполнению <концептуального> пробела». При этом философско-концептуальную часть его работы поддерживает исследование нормативного материала, как и материалов от конституционной юстиции, относящихся к свободе слова, изыскания в области сравнительного правоведения. В такой перспективе и в соответствующих ей границах при заявленных диссертантом научных средствах исследование А.С. Кульнева можно и нужно считать успешным.

Современное состояние и правовая защита свободы слова в самом деле зависят от того, как ее понимают в юриспруденции, в гражданском, политическом бытовании, притом что понимание это остается под заметным,

пусть и не исчерпывающим влиянием теоретико-философских представлений. Они получали в разное время интеллектуальную, аксиологическую реализацию в гуманитарно-этических, юрисдикционных трактовках, а те со своей стороны по мере их оформления и признания сами достигали статуса ценностно-целевого ориентира, и сами притязали на главенство. Диссертация представляет их в трех идейных ориентациях, что и даёт соискателю почву, на которой он разворачивает анализ свободы слова исходя из того, что принято видеть в ней ценного - в ее собственной аксиологии и в отношении к другим ценностным величинам - к истине, к демократии, автономии личности, которым она-де должна послужить. А когда эту свободу предполагают в служебно-инструментальном значении, то в её анализ должна вмешаться и телеология, чтобы представить, какими целями объясняют ее назначение и в каких пределах, в каких правомочиях готовы ее признавать, осуществлять, защищать.

Автор диссертации разбирает и синтезирует эти рискованные интуиции, что позволяет видеть настроения, их вдохновляющие, их логический строй и уязвимые места. Он оспаривает ценностно-целевые обоснования свободы слова, которые делают ее вторичной и релятивной по отношению к внешним обстоятельствам и ставят в зависимость от оценочных предпочтений, подвижных ценностных ориентаций. Это ослабляет ее признание и защиту. Свобода слова падает «в цене» по сравнению с общественной пользой, когда ей велят, «чтоб служила она на посылках», например, в постижении истины, как это определили Д.С. Милль и судья Оливер Холмс. Но если свобода нужна ради истины, то иллюзиям, заблуждениям и даже спонтанной речи уже не место под сенью свободы слова, и терпят их лишь оттого, что ограничения мешали бы свободному отысканию и приросту истинного знания. В этой логике прибавление истины в доступных обществу знаниях должно было сокращать свободу слова рамками истинного суждения. И демократия, если свободу слова поставить

ей на службу, избывала бы ее за ненадобностью по мере становления «подлинного» народовластия.

Это практически и наглядно доказывают в разных частях света опыты государственного социализма, где признают непогрешимым руководящее учение, демократию доводят до истинного управляемого народовластия и притом пресекают расхождения во мнениях, такие как фракционная «говоришня» в парламенте, межпартийная соревновательность или расхождение позиций между институтами власти. Там отпадают социально-политические противоречия, а с ними общественные разногласия и другие издержки свободы слова, как и сама свобода. На эту тему диссертант рассуждает, правда вместо политико-правовой реальности социализма он предпочитает говорить о «коллективистской теории», и даже из неё выводит не упадок, а *«коллективистскую модель свободы слова»*, как будто «тоталитарное перестроение мышления граждан» эту свободу допускает. Смысловые контуры «современной коллективистской теории», о которой автор говорит, невыразительны, и ясность в это понятие вносит лишь то уточнение, что это эманации марксизма и постмодернизмом.

О них нелишне бы порассуждать, особенно о постмодернизме, который нуждается а уточнениях. В этом понятии много аллюзий и коннотаций к искусству, философии, науковедению, а референции к политико-правовой действительности неочевидны. Автор верно, но скупо замечает в этой системе взглядов акцент на лингвистические конструкции, которые полагается третировать или корректировать, поскольку в левом мировоззрении их осуждают как средство «угнетения» и «отчуждения». В этом русле хорошо бы развить исследование, ибо диссертация не слишком здесь подробна, тогда как дело заключается в идейно-ценностных, целевых обоснованиях тотального управления речевой деятельностью. Если ограничиться замечаниями о постмодерне и не проработать вопрос, то можно решить, что проблема коренится в научных девиациях, и будто Ф. де Соссюр

во главе структурной лингвистики явился вдруг и смешал ориентиры мировоззрения, а теперь их нужно восстановить научными, может быть, средствами, чтобы вернуть человечество к здравому смыслу и конституционному праву.

Но, конечно, не дрейфы в науке, не структурология с её корифеями создают и направляют движения, угрожающие гражданской свободе, включая свободу слова. Дело не в том, что именно создали лингвисты, этнологи, структуралисты, такие как Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс или же левомыслящий, но честный в науке Н. Хомский, а в том, что их научными достижениями небескорыстно пользуются в известных политических течениях и в предвзятой политологии, как то «лингвополитическая концепция» политолога М.Эдельмана из Дем. партии США, увлечённого лингвистикой. Из престижных наук они берут удобные положения в обоснование идейных конструкций и апеллируют к научным авторитетам, когда это удобно использовать в политической агитации. Как марксизм когда-то обосновался в лоне экономической науки, так и неомарксисты Франфурктской (в т.ч. лево-американской) школы (они же фрейдомарксисты) теперь используют извлечения из хороших наук, вовлекают в свои дела саму науку, в т.ч. структурную лингвистику, а заодно и наукообразные течения вроде фрейдизма, теории «коммуникативного действия» от Ю.Хабермаса, «инклюзии», «партиципации». Этот материал теперь замещает им потёртые скрижали гегельянства, ветхие коммунистические утопии и собственно бесславный уже марксизм. Нео-фрейдо-марксисты, как и прежде-марксисты, выдают себя за носителей учёности и философической мудрости, не говоря уже о новой морали с идеалами новой свободы. Эту «свободу» они выставляют против свободы гражданской - буржуазной (буржуа, бюргер, мещанин/местчанин - всё это в переводе граждане, участники городской, а затем и национальной политики). «Свобода» эта восстаёт против гражданского мира и конституции,

против личной свободы, собственности и верховенства закона, порицая и отрицая всё это за «одномерность» гражданской (буржуазной) бессмысленной жизни, за «отчуждение» и «угнетение» тех, кто чувствует себя жертвой, позволяет себя в том убедить и условно согласен быть «освобождённым». Так и марксистам нужно было всё сломать ради «освобождения пролетариата» от экономического угнетения и отчуждения.

Теперь против конституционных позиций гражданского мира двигают, в частности, концепцию «Разнообразия, равенства, инклюзивности» - *DEI (diversity, equity and inclusion)*, имея в виду, что свободной их реализации препятствуют буржуазные верховенство права, электоральная свобода, равноправие и свободы личности. Из концепции DEI следует, что процедуры, суды, конституционные права и свободы, собственность, договор, достоинство индивида и его свободные мнения образуют условия и средства поддержания буржуазного мира, где людей «отчуждают» от разных благ и друг от друга. Связано это с тем, что условия и рамки конституционного образа жизни не позволяют левому движению свободно масштабировать привилегии «угнетённых» и «отчуждённых», вытеснять конституционное равноправие и мешают утверждать стандарты «идентичности» и «равных возможностей» со всеобщей «инклюзией» до полного их господства над конституционными правами и правилами.

В такой среде гражданскую свободу ждут изрядные, если не фатальные, испытания, а свободу слова и подавно. Ведь DEI поддерживает переделку языка, речевой коммуникации в общем русле социально-политического переустройства. Такое переустройство видят в деконструкция понятий и средств общения. Они во всяком случае коррелируют. Из этого следует и тотальное регулирование речевого строя и поведения, как и мышления. Свободе слова при этом не сдобровать. Она и теперь уже многое терпит под гнётом политкорректности. Вряд ли всё сказанное можно свести к научной лингвистике постмодерна и технике деконструкции. Здесь нужен широкий

контекст и анализ, чтобы назвать больше условий, причин, корреляций, а также имён, нежели описал соискатель. Выше кое-что в этом смысле сказано и будем считать, что оппонент прочитал это всё между строк диссертации.

Уязвимость ценностно-целевых обоснований свободы слова диссертант выявляет не только в их умозрительной логике, но и в юрисдикционных позициях, например, Конституционного суда ФРГ, который вменяет вещательным СМИ обслуживание публичных потребностей в многообразии информации. Это поощряет среди юристов то представление, будто в целом свободу слова обременяет не просто запрет злоупотреблений и противоправного поведения, но и попутная положительная обязанность выразить в публичной дискуссии разные позиции, в т.ч. чужие убеждения, даже если их не разделяют ее участники или организаторы.

Диссертант ставит под сомнение технику пропорциональности (соразмерности) в определении и оценке ограничений свободы слова, что также связано с его отношением к ценностно-телеологическим концепциям с их релятивными взглядами на эту свободу. Они допускают субъективную приблизительность в определении ценности прав и свобод, готовы их сравнивать с другими социальными вещами и ставить их судьбу на свои умозрительные веса. Диссертант замечает в пропорциональности признаки симуляции, которая придаёт, в частности, аргументам ЕСПЧ вид объективной обоснованности, украшает судебные акты процедурами «взвешивания» и вносит в них флёр «демократической легитимности» принимаемых решений. Подкупающая идея взвешивания изначально относится не к правам, а к их ограничениям и включает убедительную ту позицию, что ограничения устанавливать нужно не просто так, а по делу, по ясным критериям относимости-пригодности, необходимости. Но дальше следует выяснение «пропорций» с намёком на математику в их «исчислении». Потом выясняется, что считать нужно не только «цену» ограничений относительно защищаемых важных ценностей, но и ценность

прав, попавших под ограничение. В таких «пропорциях» нет числовых величин с метрическими системами, а потому это счёты «на глаз», т.е. по усмотрению. К тому же процедуры пропорциональности заурядно пропускают и просто объявляют итоги «пропорции» в обосновании решения. Конечно, честное судебское усмотрение само по себе приемлемо и необходимо, потому что кладёт груз ответственности на суд за его решение, включая публичную критику и раздражение влиятельных инстанций. Эта нагрузка входит в миссию суда, а потому математические метафоры сомнительны, если они выдают судебное усмотрение за пропорции, которыми объективно будто бы связан суд. Издержки пропорциональности, полагает автор, особенно заметны в контексте свободы слова, когда в лоне европейского конвенционного правосудия признают временами неочевидные и не вполне конвенционные права, например «на забвение», и ставят их на «весы» против свободы слова, чтобы и ради них оправдать ее ограничения.

В сопоставлении с ценностно-целевыми трактовками диссертация даёт анализ негативной концепции свободы слова, которую и поддерживает соискатель в собственном, разумеется, в оригинальном её прочтении. На почве этой концепции он и ведет изложение своего исследования. В нем предпринята систематизация терминологического аппарата конституционно-правовой науки и практики в области регулирования высказываний (коммуникации).

Диссертант анализирует соотношение свободы слова со смежными правами, её реализацию в разных изъятиях, как то речевая деятельность, экспрессивное поведение и даже финансовые операции. Последнее представляет необычным, если не вычурным и смущает на первый взгляд, да и на второй взгляд тоже смущает.

Часть исследования относится к свободе слова в интернете. Диссертант полагает, что в регулировании содержательных, инфраструктурных аспектов Интернета нет оснований отступать от общих условий обращения со свободой слова, ее защиты. Он также доказывает, что риски «частной

цензуры» преувеличены и оттого не дают оснований наращивать ресурсы публичного вмешательства в свободу печати, чтобы пресечь там вмешательство владельцев СМИ, редакций и прочих частных институций.

Изложенные в диссертации научные положения, выводы и пожелания (рекомендации) в адрес участников правового общения и учёного сообщества в целом обоснованны, не имея в виду, разумеется, что каждое суждение соискателя неопровержимо. Их можно считать достоверными, пусть даже местами они небесспорны и позволяют отозваться на них в несогласиях и отдельных замечаниях, например в нижеследующих:

1. В негативной концепции свободы слова автор полагается на силу теории, с тем чтобы заключённые в ней «соображения имели шансы сработать» в трудные для свободы времена («патологические периоды»). Сомневаясь в том, что в годину испытаний свободу слова выручат некие «соображения», попробуем всё же проверить их убеждающий потенциал. Среди решающих соображений диссертант полагается на то, что свободу слова следует защищать «исходя из угроз, которые она пытается предотвратить», а не из «интересов, которым она служит». Но заметим, что идея спасения общества «от угроз» силой свободного слова ставит саму свободу высказывания в инструментальное положение. Это в принципе позволяет её оценивать среди других средств общественного «спасения», не исключая цензуры. Диссертант уверяет, что исторический опыт опровергает способность властей хорошо и «разумно» регулировать высказывания и цензурировать их во благо, а не во зло. Но ему возразят, что зло и добро люди понимают с разногласиями, и оттого неясно, плоха ли прежде была цензура. К тому же прежние оплошности в регулировании еще не значат, что впредь нельзя всё поправить и саму цензуру наладить так, чтобы она хорошо служила общему благу заодно со свободой слова, стоит лишь хорошо их расставить в правильных пропорциях и верных балансах.

Заметим, что в защиту свободы слова не хуже сработали бы те, например, соображения, что эта свобода - есть первоклассная и насущная ценность и оттого заслуживает защиты как таковая, если признавать за человеком право на достоинство, предполагать в нем совесть, умственные и другие способности. Конституционное право принципиально не позволяет их отрицать, а стало быть и свободу слова не позволит взвешивать в балансах с другими благами и ни за какие благ не понизит в «цене».

Это, кстати, не отменяло бы и негативно-устрашающую риторику в духе соискателя, который защищает свободу слова по принципу: «как бы не было нам худо», если эту свободу уступить. В том же духе Б. Франклин писал: «Кто отречётся от насущной свободы, чтобы на время купить немного себе безопасности, тот не достоин ни свободы, ни безопасности». (Из послания от Ассамблеи Пенсильвании губернатору Т.Уортону 11 ноября 1755 г.: «Those who would give up essential Liberty, to purchase a little temporary Safety, deserve neither Liberty nor Safety.»).

Негативная концепция держалась бы вернее на том основании, что свободу слова нельзя притеснять просто ради ней самой, поскольку она и есть бесспорное благо. И «ценовые» пропорции к прочим благам и ценностям теряли бы тогда основания, поскольку беспочвенны сами сравнения свободы слова с другими свободами, с правами других людей и с общим благом. Как беспочвенно сравнивать по цене насущные нужды людей, скажем, сон и питание, так и свободу личности нельзя сравнить с достоинством человека или с правом на жизнь. Людям, конечно, приходится выбирать иногда между такими благами, так что и жизнью иной раз жертвуют ради достоинства и свободы, как и наоборот. Но это не значит, что и неотчуждаемые права со свободами можно правомерно друг другу предпочитать, и поэтому нет оснований их умалить в пользу иных правомочий, прочих благ и ценностей. Словом, если соискатель не согласен поддерживать то взвешивание, где властвуют ценностные предпочтения, похожие на произвол, то ничто его к тому бы и не вынуждало, если бы он

определил свободу слова как первостатейную ценность. Вменять свободе слова положительную попутную нагрузку при таком подходе нет оснований, и ограничения этой свободы свелись бы к запрету ею злоупотреблять с ответственностью за причинение вреда (клевету, оскорбление и т.п.) по правилам преследования уголовных, гражданских и прочих деликтов.

Диссертант, однако, бесповоротно отходит от позитивной аксиологии свободы слова. Ему кажется, что вернее «сработает» не апология, а риски последствий, если их заострить и показать, что умаление свободы слова чревато бедственными последствиями.

Из этого следует и акцентированное недоверие к регулирующему вмешательству. Поминая многократные грехи властей перед свободой слова, соискатель риторически сопоставляет государство с рецидивистом и омрачает подозрением любое государственное вмешательство в этой области, чтобы по каждому такому случаю регулирующие инстанции доказывали обоснованную свою правоту. Заметим, однако, что и эти позиции не всегда и не вполне надёжны, а в ином настроении и о самих носителях свободы слова можно сделать весьма неприятные допущения, как в романе Дж. Оруэлла «1984»: *«В массе своей люди слабы и трусливы, не готовы к свободе и боятся правды, а значит, надо, чтобы кто-то сильный управлял ими и обманывал их»*. Звучит это резко, но и проекция преступного рецидива на государство режет, видимо, чей-то державный слух. Поэтому, оставляя интонации в стороне, просто учтём, что обоснование свободы слова рисками и угрозами не обещает ей сплошной концептуальной защиты и местами даёт слабину, как и другие концептуальные позиции.

Между прочим собирательная концепция со включением в неё ценностно-целевой риторики упредила бы часть возражений против неё, но соискатель решил так не делать, понимая, наверное, что смешение подходов потребует компромиссов с вероятными внутренними противоречиями, а может быть просто не пожелал уступать. Он в итоге изъясился из обоснований свободы слова даже «индивидуалистические доводы о моральной

легитимности», т.е. мотивы свободы личности, с тем слабоватым оправданием, что всё равно эти доводы «не всегда справляются» с вызовами свободе слова. Это верно отчасти, тем более что «индивидуалистические доводы» и вправду не все одобряют, но ведь и доводы сугубо негативной концепции «не всегда» справятся с вызовами свободе. Не отречётся же соискатель от негативной своей концепции на таком основании. Вот и аксиологию в уместной и умеренной порции не стоило, может быть, отклонять, причём не ради неё самой, а для того, чтобы через неё подступиться к антропологии свободы слова, то есть к реалистической трактовке этой свободы вместо или вместе с ее пониманием в идейно-философском изводе.

Такой переход был бы полезным, не слишком сложным и даже вероятным, поскольку значимые ценностные координаты свободы слова при должном их понимании прямо ведут в юридическую антропологию. Ценности - это не сами объекты действительности с условными ценовыми значениями, которые можно расставить по рангам, теоретически созерцать в классификациях или навязывать в предписанных перечнях. Ценность - это отношение, в котором человек чем-то, кем-то дорожит, причём невольно и по большей части безотчётно, по собственным, значимым для себя мотивам и в рамках незримой шкалы своих предпочтений. Прежде от Марка Аврелия повелось было мнение, будто *всё ценное и прекрасное прекрасно и ценно само по себе и не становится хуже или лучше от похвалы*, т.е. оценки (см.: Марк Аврелий Наедине с собой. Размышления). Но уже Шекспир это мнение развенчал в споре Троила с Гектором, который тоже сказал поначалу, что *«ценность всякой вещи внутри неё»*, но тут же добавил: *«равно как и в уме людей, ее ценящих»*. Он уступил и признал, что ценности нет, если ею никто не дорожит: *«цена зависит лишь от ценности для нас»* (см.: Шекспир У. Троил и Крессида). Поэтому ценностный анализ прав и свобод прямо связан с выяснением человеческих правовых влечений в их мотивирующем содержании, структуре, интенсивности.

Реализация отдельных участков темы в духе юридической антропологии дала бы соискателю полезные средства исследования и отчасти сместила бы в нем акценты, по возможности оттесняя философическую часть. Это приблизило исследование конституционной свободы слова к заявленной теме, чтобы она выказывала себя не в отвлечённых идеях, а собственно в человеке и в отношениях между людьми в современном обществе и в правосудии.

2. Диссертант небезосновательно оспаривает в своей концепции технику пропорциональности со взвешиванием ценностей, и вместе с тем предлагает взамен другое «взвешивание» - «дефиниционное (категориальное)», причём в балансе интересов вместо баланса прав и свобод. Методику он тоже даёт иную, чем тесты «ситуативного анализа пропорциональности», и предлагает выполнять её на двух уровнях, где наверху полагается определить общую категорию «высказывания», а снизу - их подкатегории и назвать специальные для них принципы конституционной оценки. Обсудив такую пропорциональность на доброжелательной умной кафедре, диссертанту нелишне было бы испытать её, например, среди судейства, а то и в какой-нибудь среде попроще, чтобы там ее попробовали понять и адаптировать к своим делам. Пока же, представляется, пропорциональность от Р.Познера и ЕСПЧ легче понять, чем пропорциональность «от Кульнева». Это может быть, впрочем, связано с тем, что о первой пропорциональности уже многие слышали и знакомы с нею в теоретических описаниях, в судебных актах и смирились уже с её идеями (измышлениями) и с нею самой, тогда как новой пропорциональности всё ещё предстоит. Оппонирование, разумеется, не поддерживает ни ту, ни другую.

3. Диссертант сам вправе определять и, соответственно, ограничивать задачи и методы исследования, но на него же ложатся и последствия принятых методологических решений. Среди методических основ диссертации автор не называет, в частности, исторический метод. Он,

конечно, обращается местами к юридической старине, но главным образом к идеям, философствованиям о свободе слова, к декларативным о ней положениям. Судебные позиции он тоже приводит, но главным образом из новейшей истории 50-80-х годов минувшего века, когда «всё самое важное в мировой юриспруденции, касающейся свободы слова, было определено». Соискатель и тут верен себе, связывая свободу слова с идеями и теориями о ней, с тем, что думали и сказали о ней во влиятельных и, наверное, умных суждениях.

Между тем прочные связи между концептуальными идеями и самой свободой слова не установлены ни в ее происхождении, ни в реальном состоянии. Свобода слова изначально получила правовое признание и защиту без концептуально-идейного обеспечения, и даже кажется иногда, что при живой академической, философской дискуссии в защиту свободы слова сама эта свобода чувствует себя неважно. Пока Джон Мильтон горячился в парламенте со своей Ареопагитикой насчёт «свободы печати от цензуры», пока он развивал античную идейную классику с назидательными примерами от Греции и Рима, где цензуры как будто не знали, депутаты его парламента и думали трогать предварительную цензуру, которую при Мильтоне же и установили в 1643 г. Соискатель мог бы прочесть у Альберта Дайси о том, что «самые знаменитые произведения Франции были напечатаны за границей» в предреволюционное время, когда свободу печати там горячо обсуждали, в отличие от Англии. Затем, в отличие от неё же, французская революционная Декларация прав человека и гражданина объявила много свобод, но ее теория «долго противоречила образу действий всякого французского правительства», так что и за свободой печати французы подавалась нередко в ту же Англию, где эта свобода без теорий «прозябала» в тишине правопорядка под сенью верховенства права.

У Альберта Дайси соискатель узнал бы также, как британские депутаты без дискуссий о свободе печати отказались в 1795 г. продлить на новый срок Акт о разрешениях (Licensing Act), потому что не видели в нём больше

смысла и притом обнаружили, что чиновники им злоупотребляют и, нарушая «закон страны», вымогают корысть и мешают свободной торговле в интересах монополистов. Потом властям было не до «свободы печати», о ней на полвека забыли, а когда спохватились, то эта свобода стала по давности «правом страны», причем не ради истины и святости свобод (см.: Дайси А.В. Основы государственного права Англии: введение в изучение английской конституции. М., 1907. С.290, 291, 297–300). И первый в мире шведский законодательный акт о свободе печати 1766 г. (сочинение шведского финна пастора А. Шюдениуса) состоялся в контексте борьбы за право торговли в регионе Ботнического залива, а не по идеям о свободе слова. Парламентскую свободу дебатов, кстати, тоже безыдейно отстаивали не борьбе за истину и свободу, а за прерогативы парламента, прежде всего фискально-финансовые, чтобы депутатов не преследовали за прения.

4. Сравнительно-правовой метод, в отличие от исторического, соискатель в диссертационную методологию занёс, но применяет его небезупречно. *State action doctrine* диссертант переводит неудачно как «доктрину государственных действий», как будто она «сковывает действия государства», включая федеральные, видимо, власти. Однако «state action» подразумевает принятие и применение законов штатами, власть которых 14 Поправка ограничивает в пользу федерации, чтобы их вмешательство в гражданские права и не саботировало федеративное единение в равноправии граждан и мероприятия Реконструкции после гражданской войны. Словом, эта поправка изначально контролирует не поведение всего государства в пользу гражданской свободы, а власти штатов в пользу властей федеральных.

Вышеизложенные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования и адресованы к нему главным образом потому, что диссертация выполнена в контексте научной дискуссии. Она отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода.

Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.2 (Публично-правовые (государственно-правовые науки) (по социальным и гуманитарным наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом соискатель Кульнев Александр Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые науки)».

Официальный оппонент:

доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук»

Арановский Константин Викторович

4 июня 2025 г.

Контактные данные:

Рабочий e-mail: kvaranovskii@gaugn.ru, телефон: +7 (499) 238-23-50

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена докторская диссертация: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.02 Конституционное право; муниципальное право

Адрес места работы: 119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26